
ЛАРИСА ПЕТРОВИЧЕВА
АННА МИРОВИЧ
БОЖЬЕ ЧУДОВИЩЕ

Лариса Петровичева
Божье чудовище

https://litres.ru/74720073
SelfPub; 2026

Аннотация

Артур Броуди — величайший зельевар, способный исцелять от любых болезней. Но проклятие превратило его в монстра, и теперь доктора боятся даже те, кому он спас жизнь. Единственное средство от злых чар — истинная любовь. Вот только кто решится полюбить чудовище?

Когда в городе появляется серийный убийца, доктор Броуди становится главным подозреваемым. Его помощнице Флер, приютской сироте, придется заглянуть в свое прошлое, чтобы найти правду — и любовь, которая сильнее темной магии и смерти.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	57
Глава 5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Лариса Петровичева
Божье чудовище

Глава 1

– Да, господин Артур, конечно, мы потом отправим вам одну из девушек. Вы же спасли им жизнь, думаю, ни одна не откажется. Еще будут сражаться за эту работу!

Кровать качалась подо мной, словно лодка. Меня несло сквозь ночь и бурю, голова была наполнена огнем, а тело болью. Боль, кажется, была везде – так бывает при хуннской чуме.

Как все началось? Не помню… Кажется, директриса пансиона пришла в класс в маске на лице и сказала, что теперь все должны носить маски, в городе снова хуннская чума, и на выходные мы не сможем выйти на прогулку…

– Это мой долг, госпожа Сайрус. Где больные, всегда должен быть врач.

Мужской голос проплыл над головой – теплый, очень приятный и располагающий. Я потянулась за ним сквозь сумерки и увидела нашу спальню, ряды кроватей и директрису. В ее взгляде дымился ужас, но под ним была и надежда, и облегчение. Свет лампы лежал на ее осунувшемся лице, и маски на нем больше не было.

В открытые окна спальни веяло прохладным ветром, который нес вонь и смрад большого города, шторы надувались, поднимались и опадали, как паруса, но сквозняк не приносил облегчения. Мир нашей спальни был пропитан запахами карболки, отваром липового цвета и тем тошнотворным сладковато-гнилостным запахом, который наполняет место, где люди сражаются со смертью.

Тихая Эмма на соседней кровати лежала неподвижно. Тонкие руки неестественно выгибались в запястьях, ногти обрели страшный синий оттенок. В глубине комнаты в полумраке кто-то бредил, монотонно читая нечто, похожее на молитву, которая идет с конца к началу.

Ко мне снова скользнула тень – выплыла из сумрака, соткалась в темный плащ с низко надвинутым капюшоном, и меня окутало холодом и тотчас же бросило в жар.

Это был он! Господи, помилуй, Артур Броуди, Божье чудовище пришел в приют! Величайший зельевар, сильный и опытный волшебник, монстр был здесь!

Конечно, он пришел. Артур Броуди мог варить редчайшие зелья от самых тяжелых болезней, он создавал лекарства, которые выхватывали людей из рук смерти, его уважали и любили, несмотря на его несказанное уродство – вот он и тут, с нами.

Качнулась тьма – доктор Броуди поднял руку, и не когти монстра, а обычные человеческие пальцы, теплые, с чуть шершавыми подушечками, осторожно прикоснулись к мо-

ему лбу и отпрянули. Прикосновение отпечаталось, словно ожог – казалось, кожа тянется за пальцами этого человека, прекрасного и ужасного. Огромная клювастая маска шевельнулась, и в ее глубине сверкнули глаза.

Голубые. Кажется, они были голубые.

Сердце забилось так, что вся спальня должна была услышать этот грохот. Я до тошноты остро ощутила всю свою беспомощность и открытость перед этим существом. Но в этих чувствах не было боли, наоборот – все во мне потянулось к Божьему чудовищу и страшно захотелось, чтобы он снова прикоснулся ко мне.

Его пальцы убирали чуму и отменяли смерть.

– Ну вот, – довольно произнес доктор Броуди. – И у этой юной леди жар спадает. Скоро все будет хорошо.

– Не знаю, как вас и благодарить, Артур, – с чувством промолвила директриса. – Все, что говорят о вашем святом сердце, правда… но я не думала, что сама смогу в этом убедиться.

– Я просто выполняю свою работу, госпожа Сайрус. Хуннской чумы давно не было, это правда.

Я смотрела, не в силах отвести взгляда и не зная, где кончается мой сон и бред и начинается реальность. Доктор Артур Броуди, проклятый и превращенный в немыслимое чудовище, доктор Броуди, чьи зелья спасали от самых страшных болезней… он был здесь, с нами, и чума отступила.

– Обильное питье, окна в спальнях не закрывать, – рас-

порядился доктор Броуди, и я вдруг растерянно поняла, что лежу на кровати, одетая лишь в легкую светлую сорочку, а доктор пусть и монстр, но мужчина.

Мне сразу же сделалось стыдно, и от этого стыда дрогнули руки и зашарили по кровати в поисках одеяла. Кажется, доктор понял, что я чувствую – не знаю, с чего я это решила, но его жуткая маска снова качнулась, и я с каким-то липким зудящим любопытством подумала: если эта маска такая пугающая, каков же ужас скрыт под ней?

– Утром начинайте понемногу кормить их. Куриный бульон, белый хлеб, половинка яйца. Организм ослаблен, перегружать его нельзя, но и без белка оставлять тоже нельзя, – продолжал доктор Броуди, отходя от моей кровати вместе с директрисой. Он говорил негромко, и его голос был настолько завораживающим и глубоким, что казалось, будто в сумраке нашей спальни, пронизанном духом болезни и смерти, говорит ангел.

И смерть отступала от его слов.

Доктор Броуди двинулся к другой кровати, к Шейле Мак-Малистер, которая сейчас смотрела на него широко распахнутыми глазами, и ее губы дрожали, словно она читала молитву.

“Не бойся”, – хотела было сказать я, но слова растаяли. Спальня окончательно утонула во мраке, и я рухнула в сон без сновидений – темный, как плащ доктора Броуди.

***

– Это вообще не по-человечески! Доктор Броуди спас всех нас! И вот так вы, девушки, собираетесь его отблагодарить за доброту?

С того дня, как Божье чудовище вошел в спальню, превращенную в лазарет, прошло две недели. Все мы были еще слабы, но уже держались на ногах, выходили на прогулки и посещали занятия по домоводству. Девушки были бледны, но сама весна придавала нам сил.

Миновало то бредовое экзальтированное состояние, в котором мы были во время болезни. Если в тот миг любая из нас все отдала бы ради доктора Броуди, то сейчас, когда болезнь отступила, пришел и здравый смысл, острый, как лезвие ножа.

Нас всех поставили перед страшным выбором.

– Да! – госпожа Сайрус даже стукнула кулачком по столу, и мы опустили головы еще ниже. Удар грохнул, как выстрел. – Да, выпускная группа, я к вам обращаюсь! Пройдет несколько месяцев, и вы станете женами достойных людей, так разве это достойное поведение?

Приютская выпускная группа дружно вздохнула. После выпуска девушек не бросали просто так в мир – сироты становились женами мелких клерков, офицеров и деловых людей. К нам уже несколько раз приходили на смотрины, основные пары уже сформировались, и никто не хотел терять будущую счастливую жизнь ради благодарности.

Даже я со своим грехом на плечах все-таки надеялась.

Я украдкой оглядела одногруппниц. Мэри-Энн Сильверстоун была самой красивой из нас, с волосами цвета воронова крыла и фарфоровой кожей. Ей прочили в мужья советника градоначальника, и она несла свою красоту, как вазу эпохи Алкоттов. При мысли о том, что ей придется прислуживать чудовищу, ее тонкие ноздри хищно раздувались.

Рядом с ней примостилась Розалинда Браун — тихая и незаметная, с вечно испуганными глазами мышки. Ей было легче всего, она всегда умела становиться серой и невидимой. Но и в ее глазах сейчас застыл ужас: Розалинда боялась даже пауков в подвале, что уж говорить о жизни в доме с проклятым зельеваром.

Лили Корнхолл стояла с прямой спиной – высокая, широкоплечая, с толстыми ногами-колоннами и такой же толстой косой. Жених у нее был ей под стать – он занимался тонкой работой по металлу и был очень приличной партией. Лили смотрела прямо, не опуская головы, и было ясно: только попробуйте ее принудить, добром это не кончится.

Остальные девушки тоже были похожи на солдат, готовых стоять до конца на своем последнем рубеже.

– Он святой подвижник! – продолжала директриса, распаляясь все сильнее, и в ее голосе звенел тот металл, который мы всегда слышали по утрам, когда госпожа Сайрус проповедовала о грехе и добродетели. – Он спасает жизни людям, его зелья исцеляют от болезней, он отдал все свое мастерство

нам и пользуется всеобщим уважением и любовью! И вы сейчас отказываетесь… девушки, я крайне разочарована в вас. Я полагала, что воспитала в вас смирение и благодарность, а вижу лишь мелочную расчетливость базарных торговок!

– Он чудовище, – пискнула Джийни из-за моего плеча, и госпожа Сайрус снова стукнула по столу. Удар был сильнее первого, даже чернильница подпрыгнула.

– Тебе его не варить, Джийневра Шоу! Тебе жить в роскошном доме! Помогать прекраснейшему человеку! Это достойнейшая, прекрасная работа за двадцать тысяч крон в месяц!

– Я не буду, – пропищала Джийни. – Я уже обручена с капитаном Говардом, мы уезжаем через полгода.

– Это больше, чем твой капитан получит за год службы в гарнизоне! Я бы сама пошла, но возраст!

Капитан был молод, красив и безумно влюблен. Джийни уже мерила приданое, которое ей шили тайком от директрисы, и сейчас она готова была заплакать от того, что все это может рухнуть.

Директриса фыркнула, оглядывая остальных. Двенадцать девушек смотрели на нее, и каждая говорила: “Нет”.

– Бессовестные! Этому ли я вас учила, девушки? Вы должны быть благодарными. Честными! Достойными! А вы ведете себя, как уличные девки, которые…

– Девка тут одна, это Флер Весткотт, – язвительно сообщила Мэри-Энн, и девушки захихикали, косясь в мою сто-

рону – смеялись с облегчением от того, что угроза миновала, а жертва выбрана. Я стояла, выпрямив спину, и смотрела на портрет его величества на стене за директрисой.

Смейтесь, смейтесь – вечером в спальне поговорим, я вам устрою веселье.

Сквозь обиду и злость всплыло воспоминание – прикосновение теплых пальцев к моему лицу. Может, доктор Броуди выбрал меня уже тогда?

Госпожа Сайрус внимательно взглянула на меня и как-то расслабилась в кресле. Я почти слышала ее мысли: а ведь хороший шанс для девки… искупит свой грех, послужит обществу…

Примерно так мне и говорили с тех пор, как все случилось. Я согрешила и должна искупить свой грех. Тот, кто надо мной надругался, ни в чем не был виноват – так уж принято, винить женщину, сосуд греха. Его даже и не искали особо.

Это ведь я не сохранила чистоты и теперь должна за это отвечать до конца своих дней.

– А ведь и верно, Флоранс, – задумчиво проговорила директриса. – Это шанс для тебя! Ты сможешь начать все заново, станешь помощницей и ассистенткой доктора Броуди… составишь тот капитал, который перечеркнет твои грехи.

– Я хотела… – начала было я, но госпожа Сайрус вскинула руку, приказывая мне молчать.

– И даже не думай, что тот банковский клерк приходил

к тебе с серьезными намерениями! Он просто прикидывал, как бы побыстрее получить свое, раз ты такова. А наш приют не выпускает из своих стен падших девиц! Но даже таким, как ты, мы устроим судьбу. Доктор Броуди человек уважаемый, он не будет попрекать тебя твоим прошлым. Он слишком благороден для этого.

Я слушала ее, устало глядя в пустоту. Нет-нет, я была благодарна доктору за спасение, но сама мысль о том, что мне предстоит жить в одном доме с невыразимым чудовищем, существом, которого изувечило проклятие, внушала мне ужас. Липкий, холодный – такой, наверно, выступает, как пот на лбу мертвеца.

– Удивительно, право, что ты сама этого не предложила! – воскликнула госпожа Сайрус тоном человека, который наконец-то сбросил с плеч тяжеленный груз. – Ну ничего, ничего, я понимаю, что ты растерялась и испугалась. Собирайся! Девушки, вы свободны! Флоранс, доктор Броуди приедет после обеда!

Хочу я или не хочу, кто будет слушать? Меня снова выбрали жертвой, и я отправлялась к человеку, которого должна была благословлять за свое спасение, если б не тонула в страхе.

Неужели я и правда неблагодарная и злая? Грешница, которая не хотела искупать свой грех?

Нет. Нет, нет. Я просто надеялась на обычную жизнь без чудовищ – их с меня хватило. Я хотела тихой комнаты, боль-

шого окна, выходящего в сад, и мужа, который бы смотрел на меня без брезгливости.

Видно, это слишком большое счастье, и я его не заслуживала.

***

Экипаж доктора Броуди приехал после обеда.

Меня никто не провожал. Собрав пожитки в небольшую сумку, я вышла из дверей приюта, не желая оглядываться. Экипаж застыл у ворот, и я даже сбавила шаг – до чего же он громадный! Там, наверно, можно перевезти целого слона…

Господи, моя жизнь меняется окончательно и бесповоротно, а я думаю о слонах. Я вышла за ворота, дверь экипажа открылась, и из сгустка тьмы внутри ко мне протянулась человеческая рука.

– Лин Флоранс. Прошу.

Я оперлась на нее – она была очень сильной и крепкой – поднялась по широким ступенькам и опустилась на сиденье. Хлопнула дверца и стало темно – экипаж дрогнул и покатил по улице, увозя меня в новую жизнь.

– Здравствуйте, лин Флоранс.

Голос доктора Броуди был спокойным и мягким, очень приятным, и мое волнение постепенно стало смиряться. Не улеглось полностью, конечно, но притихло.

– Здравствуйте, доктор Броуди, – откликнулась я.

Во время болезни он почему-то казался мне не таким

большим – сейчас же напротив меня расположилась громадина в черной бесформенной мантии с низко опущенным капюшоном, которая занимала почти весь экипаж. Маска была уже другая, такая же клювастая, но украшенная причудливым золотым рисунком. Плащ бугрился – вот бугор громадной головы, а вот, наверно, горб, а вот… я нахмурилась, глядя на складки на полу.

Хвост?

– Я рад и признателен, что вы приняли мое предложение, – продолжал доктор Броуди. – Давайте поступим так: я расскажу вам обо всех обстоятельствах, а вы спросите, если что-то останется неясным.

Я вздохнула.

– Да, конечно.

Экипаж свернул с улицы Невинных, где располагался наш приют, на Большую Морскую. Дом Божьего чудовища стоял в самом центре – я и подумать не могла, что однажды буду жить там.

Жить ли? Или вариться в вечном ужасе, из которого нет выхода?

– Меня прокляли четырнадцать лет назад. Это была очень опытная и могущественная ведьма, которая владела заклинаниями трансформации плоти, – сказал доктор Броуди. – Из обычного человека я стал монстром. Один взгляд на меня способен свести с ума… в плохом смысле.

Чем дольше он говорил, тем спокойнее становилось на

душе. Голос доктора звучал так умиротворяюще, что я совершенно расслабилась. Страх отступил, давая возможность дышать – Божье чудовище словно заворожил меня.

– Она хотела обречь меня на вечное одиночество отвергнутого всеми существа. Чтобы я ушел от людей и жил где-нибудь в изгнании, в пещере, – продолжал доктор Броуди. Голос звучал не из-под мантии, он шел как-то со всех сторон, словно кружил надо мной, не связанный с плотью. – Но я решил поступить иначе. Да, я стал чудовищем, но мой талант зельевара и знания не иссякли, и я решил отдать их людям. Чем это кончилось, вы и сами знаете. Как и прозвище, которое мне дали.

– Вас все уважают и любят, – сказала я, стараясь не смотреть во тьму. Из глубин маски и тьмы на меня смотрел изуродованный и удивительно несчастный человек, и от его взгляда делалось неловко.

Он был словно прикосновение, осторожное и почти ласковое. Прикосновение того, кто не имел права дотрагиваться до других.

– Смею надеяться, заслуженно, – негромкий смех хорошо воспитанного человека, джентльмена, никак не вязался с черной громадой напротив. – Ведьма оставила мне руку – сказала, для того, чтобы я мог застрелиться. Этой рукой я варю свои зелья, как и пятью другими, мой дом полон механических помощников, но после эпидемии я очень устал и решил нанять живого ассистента. Спасибо еще раз, что при-

няли мое предложение.

Госпожа Сайрус говорила, что подобное должно держаться с подобным. Вот мы, каждый со своим проклятием – отличная компания друг для друга.

– Я не знаю, что должна делать ассистентка зельевара, – честно сказала я. – Но готова попробовать.

Доктор Броуди мягко усмехнулся.

– Ничего такого, с чем бы вы не справились, лин Флоранс. Зелья я варю сам, чищу котлы и мою пробирки тоже сам. Сюда опасно подпускать человека неопытного. Вы будете собирать запечатанные пузырьки с зельями в коробки, отправлять их заказчикам, ездить на оптовые склады за ингредиентами, общаться с клиентами. Иногда нужно будет перепечатывать мои научные статьи и посылать их в редакции журналов. И иногда делать мне кофе с молоком.

Я удивленно уставилась на Божье чудовище. Монстр любит кофе с молоком! Наверно, эта привычка осталась с ним с юности, когда он был обычным человеком, молодым и красивым – я почему-то решила, что доктор Броуди был очень красив. Темноволосый и светлокожий, с голубыми глазами, прямым носом и улыбчивым ртом…

– Вы любите кофе с молоком?

– Очень, – смущенно признался доктор Броуди. – Но пью его редко, сердце не велит. А вы?

Я тоже смутилась – у меня давным-давно не спрашивали, что я люблю. Никого это не интересовало – всех волновал

только мой грех, а не я сама.

– Очень. И шоколадные конфеты с трюфелями. Однажды нам подарили коробку на Рождество, всем досталось по одной.

Почему-то мне показалось, что доктор Броуди улыбается.

– Я буду платить вам двадцать тысяч крон. Хватит на любые конфеты, какие только пожелаете. В этом мешочке все ваши пожитки?

Директриса считала, что скромность и бережливость это главные достоинства, поэтому вещей у обитательниц приюта было немного. С точки зрения госпожи Сайрус, нам вполне достаточно двух платьев, выходного и повседневного, двух пар чулок и белья и двух сорочек. Когда доктор Броуди спросил о вещах, я вдруг почувствовала себя нищенкой.

– Да, все, – ответила я, стараясь говорить спокойно и не показывать, как это задевает, как хочется в юности принарядиться, вплести в волосы новые яркие ленты и надеть туфельки на звонких каблучках, а не рядиться в форменное рубище.

Тьма качнулась, словно Божье чудовище понимающе кивнул.

– Поступим так. Сейчас приедем, я покажу вам дом и вернусь к работе, а до этого выпишу аванс, чтобы вы могли сходить и купить что-то новое. Согласны?

Согласна ли я? Самой пойти в магазин готового платья, самой выбрать то, что понравится, а не ждать, когда приют-

ские швеи бросят форму в лицо, как грязную тряпку – как тут можно не согласиться?

– Да, конечно, – ответила я, скрывая волнение. – Благодарю вас, доктор Броуди, вы очень добры.

Экипаж въехал в ворота двухэтажного особняка, прокатил по подъездной дороге и остановился возле широких мраморных ступеней. Доктор Броуди вышел удивительно бесшумно и плавно для своего громадного роста и жутковатых очертаний и снова протянул мне руку. Обычная, человеческая, мужская, она совершенно не вязалась с этой черной мантией и маской, с буграми плоти под черным шелком, и в этом несочетании и был подлинный страх.

Возле ступеней стояла почта. Коробки, коробки, коробки из плотного желтоватого картона с причудливыми алыми печатями – на них красовалась сиреневая коробка конфет с подсунутым под ленту посланием, а на ней лежала стопка газет и писем. Доктор Броуди пошел вперед, и я потянулась за ним, зачарованно наблюдая за перекатами плоти под мантией.

Ткань шла волнами, словно тело доктора состояло из воды или желе и качалось, меняя форму, при каждом его шаге – это было настолько непривычно и жутко, настолько иномирно, что страх снова ожил во мне.

Открылась дверь – светловолосый молодой человек в голубом костюме поклонился и произнес ровным голосом без малейшей эмоциональной окраски:

– Добро пожаловать домой, доктор Броуди. Прислали заказ от Фуше и Рокка. Десять писем с благодарностями. Ежедневная пресса.

Я чуть не споткнулась от удивления. Да это же голем! Механическое существо, слуга, способный выполнять все обязанности по дому! Я никогда не видела големов, только читала о них, когда нам разрешали взять газеты.

– Спасибо, Алекс. Это моя ассистентка лин Флоранс Вестkотт, теперь она живет в этом доме, – произнес доктор Броуди. – Все големы подчиняются ей так же, как и мне.

Алекс кивнул.

Войдя за доктором Броуди в гостиную, я невольно замерла от удивления: какой же она была большой! Казалось, я попала во дворец сказочного великана – мебель была громадной, под стать хозяину дома, и очень, очень дорогой. Зеркала на стенах сверкали золотом тяжелых рам, в вазах из тонкого светлого фарфора стояли живые цветы, а пушистый ковер был похож на широкое поле. Все здесь дышало покоем и умиротворением, и я вдруг поняла, как устала после болезни и всех страхов и как хочу сесть в большое мягкое кресло и вытянуть ноги.

Но доктор Броуди поманил меня к широкой лестнице, и я пошла за ним на второй этаж.

– Жилые комнаты, библиотека и мой кабинет на втором этаже, – произнес Божье чудовище. – На первом гостиная, приемная, столовая и кухня и моя большая лаборатория.

Зеркала есть в каждой комнате, это система внутренней связи. Активируется прикосновением к раме, и вы сразу видите собеседника.

– В каждой комнате..? – растерялась я.

Нахлынули мысли, дурные и гадкие. Мне сразу же сделалось стыдно от того, что всплыло в голове, но я не могла прогнать этот стыд. А доктор Броуди приостановился, маска обернулась в мою сторону, и мне почудилось, что голубые глаза весело сверкнули из глубины прорезей.

– Зеркало в вашей комнате я отключил. Не волнуйтесь, лин Флоранс, я не собираюсь как-то смущать или пугать вас. Или пользоваться вашей добротой в дурных целях. Ваша комната за той дверью, устраивайтесь и осваивайтесь. Обед вам подадут через полчаса.

И доктор Броуди двинулся прочь по широкому коридору второго этажа – глядя на отвратительные перекаты и изгибы его огромного тела, я невольно чувствовала дрожь и омерзение, словно под тканью таилось отвратительное насекомое.

Привыкнуть. К этому просто надо привыкнуть.

Комната, которую доктор Броуди выделил мне, была больше всей нашей спальни. Наверно, раньше тут располагалось что-то, обустроенное под нужды хозяина дома, и теперь мебель казалась игрушечной в огромном и гулком пространстве. Я медленно пошла по комнате, любуясь обстановкой – доктор Броуди не пожалел денег, чтобы мне было уютно, и я раньше и мечтать не могла о том, что буду жить среди такой

красоты.

Широкая кровать, не чета нашим узким приютским коечкам, располагалась в углу. Полог из тяжелого темно-синего бархата был поднят и подвязан золотыми шнурами с кистями. Легкое покрывало было расшито причудливыми цветами, простыни и подушки сияли белизной. Напротив кровати высился массивный гардероб из темного дерева, на дверцах красовались резные панели со сценами охоты – собаки бежали за оленями. Я осторожно потянула дверцу, и она плавно и беззвучно отворилась, показав пустые полки.

Возле огромного окна стоял большой письменный стол – пустой, если не считать вазы с нарциссами. Их сезон уже отходил, но цветы так и дышали нежной тонкой свежестью. Я подошла поближе и увидела записку.

“Добро пожаловать в мой дом, лин Флоранс. Надеюсь, вам здесь будет хорошо”.

Почерк был неуверенный и ломкий – а как еще могло бы писать чудовище? Я отложила записку, отошла от стола; знак внимания казался трогательным и неловким, словно доктор Броуди прекрасно понимал, что творится у меня на душе, и пытался как-то смягчить всю ситуацию.

Мне никогда не дарили цветы. Первый букет я получила от монстра и сейчас не могла понять, что чувствую. Не могла подобрать слова, чтобы объяснить.

За окнами шелестел сад. Нежные брызги листвы мягко покачивались на ветру, и вдруг подумалось, что я ведь хо-

тела именно этого – свою комнату, большое окно, сад… И теперь все это у меня было, а я не знала, что с этим делать и как справиться с новой жизнью, которая рухнула на плечи так внезапно.

Одно я знала точно: нельзя быть неблагодарной. Доктор Броуди был добр ко мне, и я не хотела подвести его или поступить так, чтобы он начал жалеть о своей доброте.

В дверь негромко постучали. Когда я открыла, то увидела Алекса – голем посмотрел на меня с прежним ровным выражением и произнес:

– Обед готов, лин Весткотт. Доктор Броуди работает. Он передал вам это.

Голем протянул конверт – открыв его, я увидела банковский чек, заполненный уже знакомым ломким почерком.

Господи, помилуй, десять тысяч крон. Десять тысяч!

Если я сейчас решу сбежать с этими деньгами, меня никто и никогда не найдет. Я смогу уехать куда-нибудь на север, где жизнь простая и недорогая, буду свободна от чудовищ, представлюсь какой-нибудь сиротой или вдовой, и никто никогда не узнает про мой грех…

– Лин Весткотт? – окликнул голем.

– Да, – кивнула я, торопливо закрывая конверт. – Да, я иду, иду…

Глава 2

– Так, давайте посмотрим, что передал профессор Махоуни.

Женщина осторожно вынула из сумки стопку выписок и положила на край моего стола. Я подтянул бумаги к себе и некоторое время изучал написанное.

Эвелин Кроуфорд было тридцать четыре года. Она поступила в госпиталь святой Мередит с жалобами на боли и ациклические кровотечения. Выявлен злокачественный порчевой удар по шейке матки второй стадии, пройден курс лечения по принципу Моргана с живым серебром и инфузией красного железа. Классика, госпиталь святой Мередит всегда так работает.

Бесполезно. Пациентку передали хирургическому отделению, но после короткой ремиссии порча вернулась, усилившись в два раза. Теперь консилиум предлагал химическую терапию на основе крапатина.

Лечащий врач составил подробный рецепт и разрешил все личные правки.

С высоты моего нынешнего роста линна Эвелин казалась совсем маленькой. Механической куклой, которую поедала ржавчина – но я знал, как остановить процесс.

Работы предстояло много, средства от любых опухолей, вызванных порчей, создаются индивидуально для каждого

пациента. Я придвинул к себе стопку бланков и начал расписывать все анализы, которые пациентка должна была сдать. Когда-то у меня был идеальный почерк, но теперь, когда человеческая рука маленькая, а все остальное бесформенно огромное, трудно писать красиво.

Ничего. Врачи и зельевары могут себе это позволить.

– Завтра, – сказал я, – к восьми утра приходите в святую Мередит и сдаете кровь. Дождитесь, когда они ее обработают, и привезите пробирку мне. Ваше лекарство будет готовиться три дня, потом вы приедете в госпиталь, там вам его введут под наблюдением лечащего врача. Домой сможете пойти тем же вечером. Полное выздоровление – через неделю после приема.

Женщина смотрела на меня с ужасом и благоговением.

– Храни вас Господь, доктор Броуди, – пролепетала она и, взяв бланки, вышла из кабинета.

Я высвободил третью руку, многосуставчатую и сухую, с двумя длинными изогнутыми пальцами и открыл окно, впуская свежий воздух. За окном в саду был целый холм нарциссов – иногда мне казалось, что я слышу перезвон золотых колокольцев.

Цветы весны и силы. Я любил их. Иногда подумывал, как бы заставить нарциссы цвести круглый год, но в итоге не стал создавать зелье. Пусть нарциссы цветут весной, я готов подождать.

Часы пробили три – время для работы над заказами. Я по-

тянул скрытый шнур, сбрасывая мантию, и двинулся за рабочий стол. Сейчас, когда все шесть рук свободны, работать намного проще.

Питер Коллинз, девять лет. Атрофия зрительного нерва. Зелье для него готовилось уже четвертый день – сейчас оно вызревало в колбе, отбрасывая на столешницу теплые блики света. Мальчик совершенно меня не боялся, потому что не видел – дотронулся до моей человеческой руки и улыбнулся.

Рутилин и саффирон почти завершили генерацию. Я придвинул колбу к себе и добавил крупицу гремучего золота, которое создаст искру и повернет атрофию вспять. Гремучее золото опаснейший ингредиент – когда-то оно рвануло в моей четвертой руке, оставив от нее обрубок.

Я не почувствовал боли. Вот удивительно, мне никогда не бывает больно, словно Дейла, прекрасная ведьма, хотела, чтобы страдало не мое тело, а душа. Что ж, в любой ситуации есть свои плюсы.

Гремучее золото заискрилось в пробирке. Я осторожно покачал ее в человеческой руке, закрепил в держателе и зажег огонь. Зелье теперь нужно медленно-медленно нагревать, пока вокруг пробирки не засверкают молнии. Зелье тогда станет молочно-белым с перламутровым отливом.

Первая молния вспыхнула почти сразу – некоторое время я с мысленной улыбкой наблюдал, как рядом с ней появляются все новые и новые вспышки. Зелье почернело: рутилин вступил в реакцию с гремучим золотом, а тут и саффирон

подоспел – засвистел, затрещал, и содержимое пробирки начало светлеть.

Готово. Я убрал огонь: теперь зелью нужно остыть, потом я перелью его в пузырек с пипеткой – четыре капли в каждый глаз, четыре раза в день, четыре дня, и к Питеру Коллинзу вернется зрение. Зелье в принципе несложное, его многие варят, но только у меня оно получается особенной чистоты.

Меня спрашивали, почему так, а я и не знал. Экспериментатор способен влиять на наблюдательные приборы – возможно, мое тело как-то влияло на зелья, которые я готовил.

Хорошо. Следующее зелье – итрафураниум, антибактериальный препарат, большая партия. На юге начинается эпидемия кишечного гриппа, заявка на лекарство пришла утром, и я решил не откладывать.

Итрафураниум получился у меня практически случайно, когда я экспериментировал с нитросоединениями и создал стабильную форму, которая избирательно поражала бактерии, не повреждая ткани хозяина. Я отказался от патента и отдал рецепт во всегосударственное пользование, но личные заказы до сих пор приходили с завидной регулярностью.

Начнем с фурана. В зельеварении его поэтически называют пятиугольником жизни, потому что структура фурана повторяет форму пчелиной ячейки. Я взялся за работу и так глубоко погрузился в нее, что очнулся только когда Алекс постучал по двери и сказал:

– Лин Флоранс вернулась, доктор.

Я оторвался от колб и не сразу понял, кто такая Флоранс и откуда она взялась. Потом вспомнил: Флоранс Весткотт, моя новая ассистентка, которая завтра с утра будет паковать пузырьки с итрафураниумом и понесет коробки на почту. Девушка, которая смотрела на меня с ужасом, но не уходила.

А я думал, что она уйдет. Дал ей чек, честно говоря, для проверки. На эти деньги можно начать новую жизнь, а я хотел, чтобы рядом со мной был человек, который не сбежит при первом подходящем случае.

И Флоранс не сбежала. Вернулась в мой дом – я вспомнил букет нарциссов, который поставил на ее стол, и вдруг мысленно улыбнулся этому неловкому жесту.

– Хорошо, – кивнул я. – Ужин подавайте через час.

Мы встретились в столовой, и я отметил, что Флоранс изменилась, купив новое платье. Когда ушли нищенские приютские одеяния, она стала держаться свободнее и ровнее. У девушки была идеальная осанка. Золотые волосы были собраны в косы вокруг головы, на лице царило уравновешенное спокойное выражение, но я все равно чувствовал тот леденящий страх, который гнездился в душе моей ассистентки.

– Вам идет синий, – заметил я. – Очень красивое платье.

– Благодарю, – Флоранс едва заметно улыбнулась, усаживаясь за стол. Синий цвет действительно шел ей – глубокий и насыщенный, он превращал приютскую девушку в истинную леди.

Алекс приготовил для нее стейк с картофелем, и по лицу

Флоранс было ясно, что она никогда не ела досыта и сейчас искренне удивлена тем, что вся еда на тарелке – для нее. Но удивление сменилось шоком, когда голем вкатил мою пищевую установку на колесиках и принялся раскручивать тонкие шланги.

– Что это? – испуганно спросила девушка.

– Моя система питания, – ответил я. – Позволяет есть за столом, как и положено человеку.

Рука голема нырнула под ткань, я выдвинул вторые челюсти и сжал зубами загубник шланга. Дейла одарила меня такой пищеварительной системой, которая позволяла принимать только отварную и хорошо прокрученную в мясорубке пищу. Флоранс опустила голову к тарелке и принялась нарезать стейк на кусочки, избегая смотреть в мою сторону. Весь ее аппетит исчез.

Ничего, иногда нужно просто потерпеть немного. Привыкнуть к виду существа, с которым ты теперь живешь в одном доме.

Я бесшумно опустошил емкость со своим ужином и выпустил загубник. Алекс укатил установку, и Флоранс, кажется, вздохнула с облегчением.

– Скажите, доктор Броуди… – осторожно начала она. – Почему та ведьма прокляла вас?

Я мысленно усмехнулся. У Дейлы были такие же золотые волосы, как у Флоранс – дотронешься до них, и они потекут шелком сквозь пальцы. Солнечным теплым шелком…

– Она хотела любви, – сказал я. – Но я не мог дать эту любовь. Так бывает.

Флоранс осмелилась поднять на меня взгляд, и в ее глазах за пленкой страха появился интерес.

– И Дейла прокляла меня, – продолжал я. – Проклятие снимется, если чистая душа полюбит меня по-настоящему в том ужасающем обличье, в котором я сейчас пребываю. Это, разумеется, невозможно.

Теперь Флоранс смотрела с искренним сочувствием и жалостью. Возможно, представила, каким я мог бы быть сейчас, и ее чистое сердце содрогнулось от боли.

А сердце Флоранс было как раз таким, добрым и чистым. Я в этом никогда не ошибался.

– Но… – начала было она и машинально дотронулась до щеки, словно хотела стереть слезу. – Господи, я не знаю, что сказать, доктор Броуди. Мне правда очень, очень жаль.

Я усмехнулся. Жалость, сочувствие и благодарная любовь, вот все, на что я мог рассчитывать – это уже немало, но это не спасает, когда ты монстр, которого нет ни в одном аду и ни в одном бестиарии. Смесь сколопендры, жужелицы и червя, мешанина частей, деталей и элементов, жуткое варево форм.

– Вам, наверно, трудно пришлось поначалу, – сказала Флоранс, когда совладала с собой.

– Пару раз меня хотели поднять на вилы, это верно. Но мне очень помогли мои университетские профессора. Уви-

дели во мне прежнего человека, а не чудовище, помогли продолжить учебу, потом работу на кафедре естественной истории. До этого я думал, что люди злы и жестоки, но оказалось, что это не так.

Флоранс едва заметно нахмурилась, словно вспомнила что-то свое и усомнилась в моем мнении по поводу людей. Я хотел было сменить тему и спросить, как ей понравился дом, но в это время в столовой появился Алекс и произнес:

– Доктор Броуди, к вам линде Эдвард Грей, старший инспектор Вейримара.

Вейримар, столичная полиция. Что ж, не стоит заставлять ждать таких гостей.

***

Старший инспектор Грей выглядел так, словно весь день сегодня лазал по самым темным закоулкам столицы. Темно-синий мундир был помят, ботинки запачканы – когда я вышел из столовой, то Грей озирался по сторонам с таким видом, словно попал в музей и боялся наследить на ковре. Услышав, что я иду, старший инспектор обернулся и вздрогнул.

Вся столица знает, что доктор Артур Броуди это чудовищная громадина под темной мантией, но не все меня видели вот так, рядом. Грей замер, глядя на меня с каким-то благоговейным ужасом. Он был высок ростом и совершенно лыс, бледная, почти белая кожа была усыпана веснушками, возле

широкого рта красовался маленький шрам, и ветвистое дерево шрамов растекалось по голове. Я подумал, что старший инспектор мой ровесник.

– Добрый вечер, доктор Броуди, – сказал он с опасливым уважением. – Я Эдвард Грей, старший инспектор Вейримара. Пришел поговорить с вами по поводу дел, которыми сейчас занимаюсь.

Я указал на гостевое кресло и перетек на диван. Флоранс осторожно разместилась чуть в стороне от меня, и я невольно отметил, что она поежилась. Интересно, можно ли в принципе привыкнуть к моему уродству? К тому, что я рядом?

– Возможно, вы читали в газетах об улыбающихся девушках, – начал Грей. – За полгода их было три, убитых девушек находили в разных частях столицы. Они лежали в переулках и улыбались, словно над ними солнышко взошло. Все умерли от остановки сердца, над всеми надругались. Делом занимались разные отделения полиции, но сейчас Вейримар объединил их в одно, теперь я веду расследование.

Зазудело щупальце под одной из складок тулова. Я невольно заерзал на диване и отметил, что Грей застыл в кресле, словно боялся, что я брошусь.

– Откровенно говоря, я почти не читаю газет, – признался я. – Очень много работы, особенно с этой эпидемией. Чем конкретно я могу помочь вам, старший инспектор?

– В желудке у третьей жертвы анатомы нашли остатки фиолетовой жидкости и фиолетовый осадок на губах. У нас, ко-

нечно, есть лаборатории, но с вашей им не сравниться, а я не хотел бы что-то упустить. Вы могли бы изучить эти вещества?

Фиолетовый осадок… Я задумчиво выдвинул вторые челюсти, постучал по ним когтями четвертой руки. Абсолютно точно, ни одно из зелий, с которыми я работал, такого не давало. Интересно, очень интересно.

Надо смотреть состав и сочетания.

– Вы можете во всем на меня рассчитывать, старший инспектор, – ответил я. – Вещества привезли?

Грей кивнул и вынул из кармана мундира коробку. Я усмехнулся: если в полиции так обращаются с уликами, то до правды не докопаться. Есть элементы, которые могут раствориться, если их, например, покачать.

Полиция, что с них взять.

– Да, вот они, – во взгляде Грея появилось отвращение, словно он представил, как именно я буду брать коробку. Я стек с дивана и медленно двинулся в сторону лаборатории.

Нет, напрасно я грешил на столичную полицию. Две пробирки были упакованы на совесть, с золотым клеймом защитного артефакта. Грей мог бы бегать, прыгать и кувыркаться, это никак не повредило бы фиолетовые капли и крошки.

– Лин Флоранс, идите сюда, – приказал я. – Это аналитическая установка, запускается нажатием на красный рычаг. Активируйте ее, будьте любезны.

Девушка проворно прошла к установке – каблучки стучали иначе, чем днем, туфли у нее тоже были новые – с усилием нажала на рычаг, и анализатор раскрылся: выпустил держатели, зеркала и энергетические стержни. Когда серебряное облако искр растаяло, я взял пробирку с фиолетовыми каплями и загрузил в установку.

Грей и Флоранс смотрели на меня, забыв, как дышать. Установка загудела, пробирка качнулась, и от энергетических стержней ударили лучи, расщепляя и анализируя вещество. Затрещал печатник, выпуская тонкую длинную ленту с результатами анализов; я оторвал ее человеческой рукой, вчитался и искренне удивился.

Нет, правда? Сонная Лоза? Зелье, которого более ста лет никто не изготавливал? Я слышал о нем, но никогда не варил.

– Что там? – осторожно спросила Флоранс, и я заметил, что она буквально светится от взволнованного интереса. Девушка забыла о моем уродстве, обо всех страхах – она всем сердцем хотела узнать, что же будет дальше.

Вот и хорошо. Этот интерес поможет ей привыкнуть и дальше жить спокойно.

– Очень интересная вещь, – признался я. – Посмотрим осадок.

Установка выдала результат анализов через пятнадцать минут – все это время старший инспектор стоял с таким видом, словно его вызвали к воротам Ада. Я сравнил записи в

обеих лентах и сказал:

– Это Сонная Лоза, никаких сомнений. Сильнодействующий психотропный эликсир. Вызывает состояние эйфорической покорности, подавляет волю и стирает кратковременную память. При точной дозировке жертва может двигаться и выполнять команды, но не осознает происходящее до конца. При передозировке – остановка дыхания и сердца. Смерть наступает быстро и безболезненно, на лице остается спокойное выражение, близкое к улыбке.

Теперь Грей смотрел на меня так, словно это над ним взошло солнышко в моем лице. Казалось, он готов броситься и жать мне руку, не в силах сдержать благодарность.

– Мандрагора, экстракт лунного цветка в качестве модификатора сознания, – продолжал я. – Фиксатор здесь яд змеиных жал, конкретно высушенных и перетертых жал королевской гадюки. В процессе приготовления фиксатор связывает летучие компоненты лунного цветка, но при нарушении технологии кристаллизуется. Вот откуда ваш фиолетовый осадок, старший инспектор.

Грей покачал головой.

– Даже не знаю, как вас благодарить, доктор Броуди. Наши лаборатории такое точно не раскопают.

– Вот именно, – согласился я. – И вам точно нужен не рыночный зельевар, который варит средства от прыщей и от чахотки в одном котле. У этого человека большая, хорошо оснащенная лаборатория, возможность купить редчай-

шие яды и колоссальный опыт в зельеварении. Сонную Лозу не так-то просто приготовить.

Грей вдруг сощурился и пристально посмотрел на меня так, словно прикидывал, как именно я варю это зелье. Если бы мог, я улыбнулся бы ему, вот только та улыбка, которая была у меня сейчас, привела бы старшего инспектора в клинику Бенделам, в комнату с мягкими стенами.

– Лаборатория примерно как у вас? – уточнил Грей с тем же прищуром.

Наверно, он решил, что уже нашел убийцу. Что это именно я одурманиваю несчастных, чтобы потом тешить плоть. Кто еще может так поступать, кроме чудовища?

– Примерно как у меня, – спокойно ответил я. – Обследуйте университетские лаборатории, отправьте запросы на оптовые склады, которые поставляют ингредиенты частным зельеварам. А еще лучше, найдите того, у кого есть постоянный доступ в парк короля Альберта.

– А что в этом парке? – немедленно спросил Грей.

– Зелье нестабильно, ему требуется особый катализатор – сок Fausi Fausi Gabrissae, плакучей ивы Габриса. Его надо собирать на рассвете, под полной луной. В нашем регионе плакучая ива Габриса растет только в парке короля Альберта. У меня есть несколько капель в коллекции, но это выставочный экземпляр. Для серийной работы недостаточно.

Я сделал паузу и добавил:

– Раз уж вы подозреваете меня, то представьте, насколько

легко мне было потихоньку пробраться в парк и собрать там сок. Да меня увидел бы весь город!

Старший инспектор по-прежнему смотрел с подозрением, и я прекрасно его понимал. Трех девушек убил знаток ядов – вот он. У знатока есть лаборатория, дорогая и с хорошим оснащением – вот она. Этот знаток ядов монстр, а что на витрине, то и в магазине.

Зачем еще кого-то искать?

– Кто были эти девушки? – спросила Флоранс, с волнением глядя на старшего инспектора. Тень моей репутации зельевара легла и на нее, потому что старший инспектор уважительно ответил:

– Первая была белошвейкой. Вторая разносчица пирогов, третья поломойка.

– Понятно, – бросила Флоранс, и ее лицо потемнело. – Полиция ведь не очень охотно ищет тех, кто убивает таких девушек.

Старший инспектор нахмурился.

– Лин, я попросил бы…

– А что не так? Жертвы люди маленькие, незначительные, – Флоранс начинала распаляться все сильнее, словно все, сказанное Греем, затронуло что-то очень личное в глубине ее души. – Убили такую – так гулящая девка сама виновата!

– …отнестись к полиции с уважением!

– Всем плевать! Никто не будет искать убийцу с собаками, никто не предложит награду за поимку! – глаза Флоранс

горели ледяным холодным огнем, и все в ней кричало: мне больно, больно, больно! и я слышал этот истошный крик. – И сейчас вы взялись за дело потому, что все утекло в газеты!

– Лин, вы кричите на офицера полиции…

– Да! Потому что все вы плевать хотели на людей без связей… ох…

Я извлек из-под мантии вторую руку, смочил ватку успокоительными каплями и быстрым движением провел перед лицом Флоранс. Она запнулась, охнула снова и всхлипнула.

– Лин Флоранс не хотела вас обидеть, старший инспектор, – миролюбиво сказал я. – Думаю, ее просто взволновал ваш рассказ. Флоранс, позовите Алекса, пожалуйста, и сварите мне кофе.

Девушка почти бегом бросилась к дверям, всхлипывая и проводя пальцами по лицу. Мне вдруг захотелось, чтобы она обернулась – но Флоранс не оборачивалась. Когда она вышла, я сжал в пальцах шнурок мантии и спросил:

– Я хочу убрать все подозрения, старший инспектор, так что давайте все уточним. На телах девушек были раны? Царапины, ссадины?

Грей посмотрел на меня и нахмурился, не понимая, к чему я веду.

– Нет, – наконец, ответил он. – Нет, ни одной.

– Взгляните на меня, – предложил я. – Взгляните и подумайте, во-первых, могу ли я надругаться над девицей, а во-вторых, сколько следов на ней останется?

И потянул за шнурок.

Алекс вошел как раз в тот момент, когда мантия упала на пол лаборатории, а старший инспектор Грей увидел меня, скажем так, во всем блеске очарования.

За годы службы он видел повешенных, зарезанных, утопленников, которые несколько недель провели в воде, бедолаг, которых переехал экипаж с грузом, но уж точно ничего близкого к моему облику.

У него были крепкие нервы – Грей качнулся, нервно сглотнул и дернул рукой так, словно хотел закрыться от меня. Я повел руками, с щелканьем выпрямив все суставы, качнулся и отполз чуть в сторону, давая старшему инспектору возможность рассмотреть меня, как следует.

Каждую складку влажной плоти. Каждую трещинку в броне.

– Боже правый, – выдохнул старший инспектор и снова дернул рукой.

– Он здесь совершенно не при чем. Подумайте сами, – предложил я. – Сколько царапин осталось бы на несчастных, реши я овладеть ими? Да и есть ли мне, чем это сделать? Смотрите внимательно, не стесняйтесь!

Алекс помог мне набросить мантию, и Грей устало провел ладонью по лбу. Его лицо обрело восковую бледность, как у мертвеца – но в отличие от многих других, кто меня видел, старший инспектор удержался на ногах и не потерял сознания.

– Я помогу вам найти убийцу, линде Грей, – сказал я. – Принесите мне завтра все, что ваши анатомы подготовят после изучения тел.

Глава 3

Я думала, что не смогу заснуть – столько всего случилось за день! – и рухнула в сон без сновидений, как только голова коснулась подушки. А проснувшись, я вспомнила, как кричала на старшего инспектора Грея, и улыбнулась.

Да, я кричала на него. Вела себя не так, как учила госпожа Сайрус и наставницы, вколачивая этикет розгами, а как обычная девушка, которая увидела несправедливость и не стала молчать.

В конце концов, что я не так сказала? Полиции плевать, если что-то случится с белошвейкой, цветочницей, няней, разносчицей пирогов. Девушки из простонародья никому не нужны, и это правда.

Когда я кричала на Грея, то видела перед собой полицейского, который вел мое дело. Вспомнила, как сидела перед ним после того, как все случилось: растрепанная, переполненная болью, с окровавленными ногами и в порванном платье – а он смотрел на меня и видел юную шлюшку, которая не договорилась с клиентом о деньгах.

Он не хотел меня слушать. Ему было все равно, что со мной сделали – он и не собирался искать насильника.

Жива? Вали отсюда, пока жива, не мешай людям работать.

Если бы доктор Броуди не провел ваткой с зельем у меня

под носом, я бы и в драку бросилась – слишком уж велик был гнев, который накрыл меня с головой, как волна. И я тонула в нем, и кричала о своей боли – хоть кто-то должен был ее услышать.

Интересно, знает ли Божье чудовище о том, что со мной случилось? Наверняка знает: директриса не могла не рассказать ему, какую страшную грешницу он принимает в свой дом. Но он все равно поставил на мой стол букет свежих нарциссов и говорил так, словно не было никакого греха.

И голос у него был удивительный. Глубокий и яркий, он завораживал – в какие-то минуты я даже забывала о том, что рядом со мной монстр.

Интересно, почему Грей вышел из лаборатории, пошатываясь? Он слепо посмотрел на меня, как-то растерянно махнул рукой, и все это так не вязалось с его громильим обликом, что становилось не по себе.

Вчера доктор Броуди не сказал, во сколько начинается мой рабочий день, но я решила не залеживаться в мягкой постели. Приведя себя в порядок, я надела вчерашнее темно-синее платье, которое похвалил Божье чудовище, и спустилась в столовую. Завтрак уже был накрыт – обычный классический, яичница с беконом и грибами, тосты и джем, кофе. Когда я села за стол, то пришел Алекс, коротко кивнул и произнес:

– Доброе утро, лин Весткотт. Доктор Броуди уже работает. Он сказал, чтобы вы шли в лабораторию сразу же после еды.

Я невольно обрадовалась, что сегодня завтракаю без хозяина дома. Жуткое это было зрелище: дрожащий шланг, который уходил куда-то под ткань и маску, поскрипывание, бульканье и свист механизма – пока я не привыкла к Божьему чудовищу, и мне было очень сильно не по себе.

Так и представлялись челюсти, которые перемалывали мясо и кости.

Быстро поев, я вышла из-за стола, поблагодарила голема и отправилась работать. Вчера я не успела осмотреть лабораторию, как следует, и сейчас она поразила меня – огромная, светлая, со сверкающими рабочими столами и сотнями полок. Коробки с ингредиентами, ларцы, пробирки, удивительные стеклянные вещицы, которых я не знала – все это было наполнено глубокой внутренней музыкой, и я невольно ощутила воодушевление.

– Добрый день, лин Флоранс! – услышала я и обернулась.

Доктор Броуди стоял чуть в стороне за рабочим столом, и я стиснула зубы, чтобы не заорать во всю глотку.

Он работал с пробирками, соединяя в одной из них какие-то вещества – я увидела его человеческую руку в тонкой белой перчатке и нечто многосуставчатое и тонкое, изломанное, костистое. Оно ловко подхватывало пузырьки, скручивало с них крышки, и в каждом движении было что-то пугающе потустороннее, не из нашего мира.

Если б тогда в клинике доктор Броуди дотронулся бы до меня этой рукой, я бы умерла на месте.

– Добрый день, доктор Броуди, – сказала я, стараясь говорить спокойно и скрывать волнение.

– Как самочувствие? – спросил он. – Вчера вы были взволнованы. Старший инспектор Грей вас напугал?

Мне захотелось рассмеяться. Неужели ему и правда не рассказали? Ведь не может он относиться ко мне как к хрупкой барышне, которая падает в обморок, сломав ноготок – не может.

– Да, я испугалась, – ответила я. – Мне жаль девушек. Их мучили и убили, а дело начали расследовать только сейчас. А я такая же, как они, заступиться за меня некому.

Под мантией что-то качнулось, и послышался легкий скрежет.

– Теперь есть, – негромко ответил доктор Броуди. – Условимся так, Флоранс. Я понимаю, что у вас есть своя жизнь и свои дела, и не лезу в них. Но если что-то случится, если вы захотите поговорить или вам понадобится поддержка и помощь, то я к вашим услугам. Идет?

Это было сказано настолько спокойно и легко, что я вдруг улыбнулась.

– Идет. Спасибо, доктор Броуди.

– Ну, раз мы договорились, давайте работать. Видите вон те коробки? Аккуратно ставьте в них пузырьки. Потом я продиктую адрес, вы подпишете коробки и отнесете все на почту. Это ваше занятие до обеда. После обеда я дам вам статью для перепечатывания.

Пузырьков, заполненных золотистой жидкостью, была целая армия. Я кивнула и, уже отойдя к коробкам, вдруг спросила:

– А что вы делаете, доктор Броуди?

Человеческая рука покачала пробирку, и Божье чудовище ответил:

– Пытаюсь синтезировать Сонную Лозу. Хочу понять, смогу ли добиться такой же чистоты.

***

Коробок было пять, я заполнила две с половиной одинаковыми пузырьками и в какой-то момент настолько погрузилась в работу, что не сразу поняла, что слышу песню.

Доктор Броуди по-прежнему стоял за рабочим столом, следя, как бурлит жидкость в большой колбе, и негромко пел. Это была старая народная песня о рыбаке, который плыл через бурное море к красавице-жене – маска едва заметно покачивалась в такт, и мне показалось, что Божье чудовище погружен в глубокую задумчивость.

Я слушала его, замерев и боясь спугнуть. Лаборатория отступила, жуткое существо в мантии на мгновение предстало тем, кем было сначала – молодым, красивым, сильным человеком. Я видела его темные волосы с легкой волной, голубые глаза, чистое и вдохновенное лицо – и душу охватывало тепло и трепет, как ранней весной, когда вдруг видишь, как начинает таять снег.

Божье чудовище вдруг замолчал – очнулся от задумчивости, понял, что теперь не один в лаборатории, я почувствовала, что он смущен.

– Вы хорошо поете, – заметила я. – Голос очень красивый.

– В отличие от остального, – усмехнулся доктор Броуди. – Извините, я привык работать один и иногда напеваю что-то себе под нос.

И он взял пустую пробирку, которая была ему совершенно не нужна, давая понять, что разговор окончен.

Через час все пузырьки были в коробках. Я заполнила сопроводительные бланки под диктовку доктора Броуди и получила десять крон на почтовые расходы, заклеила коробки, и Алекс понес их в экипаж.

На почте пришлось потолкаться в очереди и даже поругаться с портовым рабочим, который хотел пролезть к окошку выдачи раньше всех. В итоге посылки были отправлены, и я вышла на улицу, думая о докторе Броуди и его песне. Как сильно, должно быть, ненавидела его та ведьма, что оставила только руку и этот голос – и как же ему тяжело живется…

– Так и нашли в Гнилом проулке! Лежит, бедняжка, вся в белом, как невеста, и улыбается!

Мимо прошли две кумушки с корзинками, горячо обсуждая новое дело старшего инспектора Грея. Повинуясь какому-то невнятному чувству, я потянулась за женщинами и спросила:

– Так прямо и улыбается?

Женщины остановились, смерили меня оценивающими взглядами, прикидывая, достойна ли я их беседы и доверия, и одна продолжала с прежней горячностью:

– Да! Несчастная голубка, радостная такая, словно ей очень-очень хорошо. А платье окровавлено и ляжки тоже, она невинная была, а душегуб над ней надругался!

– Ой, да ладно тебе, Клара! – воскликнула вторая. – Грешница она была и расплатилась за свой грех! Потому и улыбалась, что сразу пошла к Господу!

Я решила сдержаться и спросила:

– И что, полиция ищет преступника?

Обе женщины рассмеялись.

– Милая, да наша полиция свой хрен в штанах найти не сможет, если им фонариком не подсветить! – сказала вторая. – Кому нужна бедная Тисса-поломойка?

– И ведь только она решила, что выбьется из нищеты! – подхватила первая. – Такая радостная была, сказала мне: “Тетушка Клара, я устроилась в хороший дом! Сказали, что начну с мытья полов и окон, а там уж, как говорится, не робей да покажи себя с хорошей стороны!”

Интересно. Очень интересно.

Доктор Броуди джентльмен, конечно, но он будет очень недоволен. А я не могла поступить по-другому – эти девушки достойны были защиты, даже после смерти.

Никто их не защищал, как и меня. Осталась одна я – у всех нас.

– Получается, она пошла на работу и… все? – спросила я. Тетушка Клара кивнула.

– Вот так! Вроде хочешь как-то жизнь поправить, а лучше сидеть и не высовываться лишний раз. Мне рассказывал кум Томас, что ему говорил Питер Олькотт, что у бедной Анны появился большой заказ на шелковые рубашки! Уж так она обрадовалась, так старалась! И чем все кончилось?

И женщины сокрушенно покачали головами.

Шелковые рубашки, не готовые из магазина, а на заказ – такие покупают только очень обеспеченные люди. Я сощурилась, просчитывая: Тисса нашла работу в достойном доме, Анна шила для благородного и богатого заказчика.

Девушек выбрали, чтобы убить.

– Где же была ее мастерская? – спросила я.

– А за мостом королевы Катарины, – охотно откликнулась Клара. – "Иголочка Анны", она ведь, бедняжка, все умела сшить. Только вот теперь закрыта мастерская, все…

За мостом королевы Катарины лежал скромный район и обеспеченный человек, появившийся там, несомненно вызвал бы интерес и разговоры. Возможно, убийца отправил туда слугу для заказа и переговоров, а готовые рубашки Анна повезла сама.

У швей всегда есть записные книжки для заказов – там могло остаться имя. И корешок чека – раз заказ крупный, то берется предоплата.

И если мастерская закрыта, то все это еще может быть там

– лежать на столе швеи и ждать.

Доктор Броуди, простите. Простите, пожалуйста, я все-все-все перепечатаю для вас – но пока меня звало другое дело.

***

Мастерская Анны была закрыта и опечатана полицией. Окна забили деревянными щитами, поперек дверей были приклеены бело-желтые шелковые ленты, которые обозначали место преступления, и все здание, аккуратный и милый домик в один этаж и три окна, казалось старым и давно заброшенным. Вывеска с нарисованной иголкой поблекла, словно с уходом хозяйки из мастерской ушла и жизнь.

Я постояла рядом, озираясь по сторонам. Район был спокойным и тихим, хоть и бедным. Дворник махал метлой у пустой чаши фонтана, по улице шли люди, из пекарни веяло запахом свежего хлеба.

Интересно, что ест доктор Броуди? Любит ли он хлеб – такой, который только что вынули из печи, и он дышит сытостью и самой жизнью?

Я заметила проход между домами – ага, если пойти здесь, по едва заметной дорожке, то можно выйти к другой стороне дома. И попробовать найти туда вход.

Так я и сделала. Прошла по проходу, вышла в проулочек и оказалась возле второй двери. Иногда такие делали в старых домах, и вот эта дверь как раз не была опечатанной.

Я огляделась. Никого. Стены соседних домов, которые выходили в проулок, были глухими, без окон. Никто меня не заметит.

Госпожа Сайрус учила нас быть сдержанными и довольствоваться малым, но у нее был большой шкаф, в котором она хранила подарки от попечителей – коробки конфет, бутылочки хереса, жестяные коробки с печеньем. Директриса не ела сладкое, и никто не знал, зачем ей этот склад, но все старшекурсницы умели вынуть шпильку из прически и аккуратно и незаметно открыть дверцу и осторожно взять лакомство.

Попробую справиться и тут.

Анна не успела убрать задний дворик после зимы – я прошла по замусоренным плитам, поднялась по трем волглым ступенькам к двери и достала шпильку.

Что ж, поработаем.

Казалось, я стала хитрой разбойницей, которая вскрывает дверь в банк, чтобы забрать деньги у богатых и раздать их беднякам. И никакая полиция, никакие стражники меня не остановят!

Послышался тихий щелк, и я довольно прикрыла глаза. Получилось! Наверно, из меня вышла бы хорошая взломщица!

Я осторожно открыла дверь, скользнула внутрь, закрыла и некоторое время стояла, давая глазам привыкнуть к темноте. В доме пахло пылью и грустной тишиной давно поки-

нутого места, и я уловила тоненькую ленту другого запаха – простеньких розовых духов.

Наверно, бедная Анна нанесла их перед тем, как идти на встречу с болью и смертью.

Постояв еще немного, я пошла дальше по коридору. Толкнула одну дверь – кухня. Печь занимала почти половину дальней стены. Сквозь ставни проникали лучики света, и я сумела рассмотреть простенькую утварь и окаменевшие остатки хлеба в плетеной корзиночке на столе. Наверно, из той пекарни…

Следующая дверь открыла мне гостиную, которая, по всей видимости, служила Анне и спальней. На диванчике я заметила подушку и аккуратно расстеленное постельное белье: перед тем, как уйти, Анна приготовила все для сна, чтобы вернуться домой и сразу лечь. На кресле лежало платье, беспомощно свесив рукава к полу.

Бедная… Во мне сейчас все кричало от боли. Прошлым летом и я вот так вышла из приюта и отправилась на карнавал – просто потанцевать, послушать оркестр, возможно, съесть мороженого. И подумать не могла, что кавалер в черно-красном домино увлечет с площади к экипажу, а кучер потом погонит куда-то, и чужие руки…

Я стиснула зубы. Нет. Нет, нет. Я научилась жить без воспоминаний, я обо всем забыла и сейчас не буду вынимать из памяти все, что сама отправила в самые далекие уголки. У меня есть дело поважнее.

Прикрыв дверь в гостиную, я пошла по коридору дальше. А вот и мастерская – настоящее сердце этого дома, большая светлая комната с хорошим рабочим столом и несколькими швейными машинками на чугунных ножках, с блестящими боковинами и едва различимыми в сумраке вензелями. На открытых полках лежали рулоны тканей, на раскройном столе красовалась выкройка – Анна собиралась шить платье. Большой манекен в углу был пуст.

Я невольно представила, как Анна сидела здесь, склонившись над шитьем, как ее пальцы направляли ткань, а нога нажимала на педаль, и машинка стрекотала, как кузнечик в жаркий день. Белошвейка предстала передо мной, как наяву – я даже услышала далекую песню, которую она напевала, как и доктор Броуди.

Бедная Анна. Бедная несчастная Анна.

Я сделала несколько осторожных шагов, пытаясь хоть что-то рассмотреть в сумраке. Так, вот и записная книжка! Я схватила ее, опустила в карман платья – как хорошо, что сейчас в моде именно такие платья, с незаметными со стороны, но очень глубокими карманами!

Чеки, чеки… Вот и они, нанизанные на серебристый штырь. Я осторожно стянула все корешки, отправила в карман. Что же еще… Может, стоит внимательнее осмотреть гостиную?

Вспыхнул свет. Ударил, залил мастерскую – от неожиданности я зажмурилась, и чья-то тяжелая рука сжала мою руку

и развернула.

– Так-так-так, – услышала я голос старшего инспектора Грея. – И кто это тут у нас?

***

Я открыла глаза, увидела Грея, и в душе снова поднялась волна злости. Надо же, этот мордоворот взялся за работу, вы только посмотрите на него! Грей стоял в дверях, держа в руке фонарь, и я вспомнила шутку Клары о полиции и криво усмехнулась.

– Что же это вы здесь потеряли, лин Флоранс? – Грей говорил сладко-сладко, сощурившись так, будто я была пирожным, и он прикидывал, с какого бочка начинать меня есть.

– Ничего, – хмуро бросила я, осознавая, как глубоко и крепко влипла. От такой образины, как Грей, просто так не отмотаешься.

Интересно, как он получил этот жуткий шрам на голове и лице? Наверно, кто-то ударил бутылкой.

– Решили, что полиция плохо делает свою работу? – Грей подошел, поддел толстыми пальцами мой подбородок, заставил смотреть себе в лицо. – Решили сунуть свой прелестный носик не в свое дело, приютская девка?

– Руки убери! – крикнула я и скользнула в сторону, пытаясь прорваться в коридор и убежать. Но Грей недаром был старшим инспектором, мимо такого просто так не пройдешь: он небрежно перехватил меня за талию, и я завизжала так,

что отдалось по всему району.

– Пусти! Пусти, гад!

Фонарь вывалился и погас. Я отбивалась, как зверь – если тогда, в экипаже, на меня рухнуло безвольное оцепенение, то сейчас я готова была разорвать Грея на части. Он издал низкое рычание, грязно выругался и выволок меня в коридор. Я била его ногами, извивалась в руках, даже укусить попробовала, но освободиться не получилось.

Хлопнула дверь, открытая пинком, и мы вывалились на задний двор. Грей сбежал по лестнице, прижал меня к стене, вдавив всем телом в камень, и прошипел:

– А теперь рассказывай правду, сучка, зачем ты сюда полезла.

От него веяло потом, дешевым одеколоном и чем-то очень хищным, что воспринимаешь душой, а не носом. Я дернулась еще раз, оцарапала щеку о медную форменную пуговицу с орлом и пискнула:

– Пусти…

Некоторое время Грей тяжело дышал, продолжая вминать меня в стену, а потом, наверно, понял, что задушит и отстранился. Я вздохнула, морщась от боли, и Грей тряхнул меня за плечо.

– Говори давай, не зли меня.

Да, такие люди очень неприятны, если разозлятся.

– Я узнала про мастерскую Анны, – сказала я. – И решила посмотреть. Вы же дальше своего носа не видите, так всегда

было. И ничего не делаете.

– Шлюха охреневшая, – выдохнул Грей – кажется, я смогла его зацепить. – Это я ничего не делаю? Ты бы столько трупаков летом из подвала повынимала, как я. Пьянь бы буйную повязала, от которой вся семья пятый угол ищет. Это не доктору Броуди подлизывать, правда?

Упоминание доктора, еще и в таком мерзком ключе, разозлило меня еще сильнее. Я толкнула Грея в грудь обеими руками – это было то же, что толкать скалу, но все же – и прошипела:

– Да! Когда убьют, тогда и приходите! Ваша песенка, правда? Сколько таких, как я, ты пинком из отделения выставил? Анна, Тесса, Джейн – сколько нас таких было, а?

Грей осклабился. Уперся кулачищами в стену, вбив их в камень возле моей головы – уставился плотоядным раздевающим взглядом и спросил:

– А может, тебя твой хозяин сюда отправил? Чтоб ты прибрала все, что может на него намекнуть? Я же с утра за тобой наблюдаю, от дома доктора до почты и сюда. Что взяла в мастерской, давай показывай.

Я не просто влипла – я утонула в проблемах. И что еще хуже, подставила под удар доктора Броуди, и этого я точно никогда бы не смогла себе простить. Глядя Грею в глаза, я запустила руку в карман, вынула смятые корешки чеков и влепила старшему инспектору в физиономию.

– На, подавись. Сам должен был их взять и изучить дав-

ным-давно.

Корешки заструились, как конфетти на маскараде. Бело-голубой снег…

– Что ж за жизнь, всякая шалава подзаборная учит полицию, как работать. А то я собирался сидеть и в ус не дуть! Весь Вейримар на ушах стоит, нас эти писаки полощут только в путь, я вчера утром это дело получил и ношусь, не жравши, не сравши! А тут вдруг ты такая красивая нарисовалась. Защищаешь своего хозяина? Неудивительно. Он тебя к себе взял и твой грех прикрыл, теперь тебе никто и слова не скажет.

Грей смотрел так, что под его взглядом и негромким свистящим голосом я оцепенела. Застыла, как заколдованная, не в силах пошевелиться – вся моя ярость и гнев растаяли, сделались ничтожными и жалкими, и я вдруг с обжигающей ясностью поняла, что ничего не добьюсь и никому не помогу.

И себя тоже не спасу. Наоборот, утону и утяну с собой доктора Броуди.

– И я не верю, что ты забрала только эти бумажонки, – правая рука старшего инспектора легла на мое бедро и потянула платье вверх, обыскивая и ощупывая – наглыми привычными движениями человека, который имеет власть. – Сейчас посмотрим, что тут еще…

Но внезапно он осекся и изменился в лице – я не думала, что человек способен так резко побледнеть, даже посереть, словно из него выпустили всю кровь. Я перевела взгляд чуть

ниже и увидела, что по шее Грея, над воротником мундира, медленно тянется что-то серое, похожее на изломанную сухую ветвь.

Щелчок! – и проступили фаланги. Тонкий многосуставчатый палец охватил шею старшего инспектора, и доктор Броуди с обманчивой мягкостью произнес:

– Отпустите девушку, линде Грей! Немедленно.

Глава 4

Грей отступил от Флоранс, и я убрал манипулятор. Полноценной рукой этот отросток, похожий на сухую ветку, назвать невозможно. Таких у меня было десять – Дейла подошла к проклятию с фантазией. Старший инспектор схватился за горло и с ошарашенным видом обернулся ко мне, а Флоранс отбежала и спряталась за мной.

– Вы… – просипел старший инспектор.

– Я, – согласился я. – Не один вы присматриваете за лин Флоранс. Как только я увидел, что она пошла к мастерской, сразу же бросился сюда.

Взгляд Грея сделался цепким и ледяным. Он боялся меня и с трудом скрывал страх, но дело для него было выше любого страха. Найдет серийного убийцу девушек и поднимется еще выше, и навсегда забудет о том, как вынимать из подвалов трупы и вылавливать утопленников в реке.

И ради этого он готов был на все – и я тоже подготовился.

– Вы следили за мной? – спросила Флоранс.

Я запомнил ее – тогда в спальне приюта, сгорающая в жару чумы, она смотрела так, будто бы на миг увидела меня настоящего. И она, кстати, оказалась не такой робкой овечкой, как выглядела поначалу. Сбросила оковы привычной жизни, начала постепенно осваиваться в новом для себя мире, и душа ее, смелая и чистая, раскрылась, как чудесный цветок.

Для кого он будет цвести по-настоящему?

– Присматривал, – ответил я. – Заметил старшего инспектора утром у дома и решил, что за вами обоими нужно приглядеть. А пока приглядывал, подготовил кое-что.

Я запустил человеческую руку под мантию и извлек подготовленную папку с документами. Протянул старшему инспектору – Грей помедлил, но все-таки взял ее.

– Это копия заключения министерства науки и Королевской академии, на тот случай, если документам вы верите больше, чем своим глазам, – холодно продолжал я. – У меня отсутствует половая система, как у червей рода Pittares gruvi, и мне действительно нечем совершить надругательство. А это свежее заключение министра Коусворта, который подтверждает, что при тесном физическом контакте моя кожа неминуемо выделяет слизь, которая вызывает раздражение в виде круглых пятен. Таких на девушках не было.

Грей посмотрел в папку, потом поднял глаза на меня – он выглядел обиженным и угрюмым. Да, понимаю: хочется просто схватить самое чудовищное чудовище и закрыть дело – но факты упрямая вещь. Для министра Коусворта я варил особые зелья, которые делали его поистине неутомимым с молодой супругой, и он с удовольствием подтвердил особенность моей кожи отдельным официальным заключением.

– И раз я могу считаться полностью невиновным, – продолжал я, – то давайте разберемся с лин Флоранс.

Девушка по-прежнему стояла за мной, и это было удиви-

тельное, давно забытое чувство, когда ты кого-то закрываешь спиной от страхов и ужасов мира. Это делало меня пусть и самую малость, но все-таки важнее и нужнее. Я слышал, как она дышит, ловил запах ее разгоряченной кожи, и на сердце становилось тепло и немного странно.

Весь привычный мир будто пришел в движение и не собирался останавливаться.

– Я прекрасно знаю, что с ней произошло, – продолжал я. Конечно, страшный случай Флоранс Весткотт был мне известен, директриса приюта обо всем рассказала, и я не считал несчастную девушку хоть сколько-то виноватой в том, что с ней случилось. – То, что случилось, обострило чувство справедливости у лин Весткотт, и она готова сражаться за то, что считает правильным.

– Она меня тут всеми херами поливала, уж простите за выражение, но это так. Украла улики с места преступления, – бросил старший инспектор. – Насражалась на пару лет строгача, это точно.

Флоранс прерывисто вздохнула. Кажется, она наконец-то поняла, в какую беду попала, а Грей не из тех, кто готов прощать и забывать. Впрочем, посмотрим, так ли это.

– Я уверен, что она хотела лишь одного, старший инспектор, помочь вам. Насколько я знаю, институт добровольных помощников полиции никто не отменил. Вот и лин Флоранс хотела быть вам полезной. Она понимает, сколько у вас забот, и хотела по мере сил облегчить их.

Грей устало рассмеялся и провел ладонью по лысой голове.

– Да знали бы вы, доктор Броуди, сколько потом разгребать приходится за этими помощничками! Они лезут без спроса, куда их не звали, а нам потом их вытаскивать! Один вон тоже решил порасследовать, его собаки погрызли, а полиция виновата.

– Я понимаю, – согласился я. – Давайте все-таки посмотрим, что там за обрывки на земле.

Грей собрал скомканные корешки, всмотрелся и ответил:

– Это квитки от заказов. Получаешь квиток, оплачиваешь, потом приходишь и забираешь готовую вещь. Вот, тут фамилии заказчиков и описание заказа.

Я терпеливо ждал, с неприязнью вспоминая, как Флоранс билась в лапищах старшего инспектора, а он шарил по ее бедру. Флоранс вышла из-за меня, подошла к Грею, поняв, что при мне он ничего плохого ей не сделает, и заглянула в квитанции.

– Здесь нет благородных фамилий, – заметила она. – Ни одной.

– Так и преступник не дурак, – мрачно произнес старший инспектор. – Он не будет называть настоящее имя и наверняка отправил сюда слугу. Да и крупных заказов тут тоже нет, все бабские тряпки. Посмотри по карманам, может, что зацепилось?

По щекам Флоранс разлился румянец – сейчас она и прав-

да была, как цветок, и короткое и нежное Флер шло ей больше строгого и сдержанного Флоранс.

– Ничего там не зацепилось, – пробормотала она, краснея еще сильнее, и я заметил, что Грею тоже сделалось неловко.

– Ладно, – сказал он, – сделаем так. Вы, лин, не лезете больше в дела полиции. Один раз прощается, а на второй нос отрывается, если его совать, куда не просят. Понятно?

Флер сощурилась, одарила старшего инспектора свирепым взглядом и кивнула.

– А вы, – Грей покосился в мою сторону и снова дотронулся до шеи. – За мной больше не следите. Не люблю.

– Разумеется, старший инспектор, – дружески произнес я. – Вы можете во всем на меня рассчитывать.

И я двинулся от дома на улицу к своему экипажу, повторяя про себя, что мы легко отделались. Флер шла за мной, и я чувствовал, как Грей сверлит нас взглядом.

Но он не сказал ни слова и дал нам уйти.

***

Когда мы сели в экипаж, и он загремел по булыжной мостовой в сторону дома, я негромко сказал:

– Вы меня сегодня очень сильно подвели, Флоранс.

Флер посмотрела на меня – испуганная, большеглазая и усталая, но и стойкая, невероятно стойкая. Весенний цветок, который сильнее всех остальных цветов, потому что ему приходится прорастать под снегом и стоять под ударами за-

морозков.

– Доктор Броуди, я… Мне очень жаль, правда, – искренне ответила она. – Я сама не знаю, как это вышло, вернее, знаю, но… Простите меня. Очень прошу, простите.

Я вздохнул. Осторожно провел одним из манипуляторов под тканью мантии, поправляя маску.

– Старший инспектор мог бы отправить в камеру нас обоих. Вы должны понимать, лин Весткотт: я каждый день хожу по тонкому лезвию над пропастью. Я спасаю людей, они меня благодарят, но они же меня и сожгут заживо, если хоть что-то пойдет не так, и вас отправят на костер со мной за компанию. И сейчас Грей прав: все это выглядело так, словно я отправил вас похитить улики, способные меня изобличить!

Голос прозвучал горячее и громче, чем я хотел говорить сначала. Флер заерзала на сиденье и пробормотала:

– Вы за мной следили…

– Присматривал, – поправил я. – Это немного разные вещи, согласитесь. Мне очень не понравился вид старшего инспектора, когда он двинулся за вами.

Флер отвела глаза. С преувеличенным вниманием принялась рассматривать улицу и дома.

– Не надо так, – попросила она. – Вы же обещали не смотреть за мной, и эти зеркала…

Меня кольнуло стыдом, но самую малость.

– Вам так понравилось, как вас обыскивал линде Грей?

Девушка покраснела, и я понял, что невольно напомнил

о ее горе.

– Вижу, что нет. Значит, я появился вовремя, правда?

– Вовремя… – едва слышно откликнулась Флер. – Я ужасно испугалась, он такой жуткий и все было…

Она не договорила. Дотронулась до лица быстрым движением, опустила руку.

– Вы ведь не все отдали старшему инспектору, верно? – спросил я. – Что еще у вас в кармане?

Флер изумленно посмотрела на меня, словно я сумел ее удивить. Я мысленно улыбнулся – пекло, сколько лет я могу улыбаться только в мыслях! – и добавил:

– Вынимайте, добровольная помощница следствия. Я никому не расскажу.

Флер запустила руку в карман и достала старую записную книжку. Грей ощупывал ее левое бедро, а похищенное было в правом кармане.

– Зачем вы ее взяли?

– Там могли быть записи. Заказ, размеры, какие-то пометки насчет заказчика, – ответила Флер. Я забрал у нее книжку человеческой рукой и негромко произнес:

– Надеюсь, я не сильно напугал вас, когда душил Грея.

Девушка поежилась. Посмотрела так, словно не знала, что сказать монстру насчет его чудовищного обличья.

– Это было неожиданно. Спасибо, доктор Броуди… и простите меня.

Я поднес книжку к глазным прорезям маски и принял-

ся перелистывать страницы. У покойной белошвейки было много заказов, но в основном, это были женские платья, юбки и белье. Каждая страничка была отведена под одного клиента. Снятые мерки, расчеты, какие-то быстрые неразборчивые пометки… а!

– Вот и мужчина, – сказал я и прочитал: – Рубашки дневные, пятнадцать штук, грогрен, стоячий воротник на косточках, двойные манжеты.

Флер содрогнулась всем телом и потянулась вперед. Казалось, она забыла о том, каков я – воскликнула:

– Где? Покажите!

– Извольте, – я развернул к ней записную книжку. – Там и мерки есть. Довольно высокий тип.

Нахмурившись, Флер вчиталась в записи и задумчиво сказала:

– Давайте поедем к вашей швее. Она посмотрит и составит его портрет… ох!

Она растерянно посмотрела на меня, словно решила, что как-то умудрилась обидеть. Когда-то я был джентльменом, который тоже заказывал рубашки у хорошей швеи, и Флер снова забыла о том, что теперь все мое одеяние это черная безразмерная мантия.

– У меня есть швея, да, – кивнул я. – Прекрасная женщина, был у нее две недели назад. Едем!

***

Линна Виктория Строук была старой и опытной швеей и работала для тех, кто имел какой-то изъян во внешности и хотел его скрыть. Когда-то она обшивала несчастного герцога Харингема – он был горбун и невероятный щеголь, и рубашки, сюртуки и пальто от линны Строук позволяли ему красоваться, не обращая внимания на горб. Линна Строук сшила для меня первую мантию, и я четырнадцать лет приезжал в ее мастерскую, где во мне видели не чудовище, а человека.

Пусть в ужасающем обличье, но человека.

– Дорогой мой доктор Броуди! – линна Строук вышла в большой холл своей мастерской с видом, полным поистине дворянского достоинства. – Рада, очень рада вас видеть! Новая мантия, потоньше? Лето обещают жарким!

– Сегодня я к вам с рабочим вопросом, – ответил я и протянул швее записную книжку. – Вы что-нибудь сможете сказать о человеке по этим меркам?

– Как он выглядит? – спросила Флер. Линна Строук посмотрела на нее с нескрываемым интересом и перевела взгляд на страничку записной книжки. Поправила серебряные очки.

– Дворянин, разумеется. Высокий! Высокий и длиннорукий, стройный, но не худой. Широкие плечи и узкая талия. Гребец или наездник, совершенно точно!

– Как вы это узнали? – удивился я. Линна Строук снисходительно улыбнулась, и я вспомнил нашу первую встречу.

Она ведь тогда совсем не испугалась! Мой вид не вогнал ее в истерику и слезы – линна Строук лишь улыбнулась и сказала, что все должны одеваться хорошо.

– У него заметный переход от плеч к поясу, но он не культурист, – ответила швея. – Заядлый гребец, фехтовальщик, наездник – фигура атлетическая, сухая, но без лишнего жира. И плечи у него прямые, не покатые, иначе мерка была бы меньше. Осанка прямая, с расправленными плечами и втянутым животом, иначе разница грудь-талия была бы меньше.

Я смог лишь покачать головой от удивления.

– Подлинная магия, линна Строук! Вы меня просто поразили!

– Всего лишь профессионализм, дорогой друг, – швея мягко пожала мою человеческую руку и спросила: – Это записная книжка бедняжки Анны?

– Да, – кивнула Флер. – Вы ее знали?

– Все швеи так или иначе знакомы друг с другом, – ответила линна Строук. – Девушка была исключительно талантлива! Я всегда говорила, что она выбьется в люди, займет достойное место в профессии… но человек предполагает, а Бог располагает. Очень, очень жаль. А эта юная леди ваша ассистентка, верно?

Флер смутилась и едва заметно отстранилась от меня – а до этого стояла рядом, почти касаясь мантии, и, кажется, снова забыла, с кем имеет дело.

– Совершенно верно, – кивнул я. – Лин Флоранс Весткотт,

иногда она будет приезжать к вам за заказами.

Линна Строук вдруг улыбнулась, и это была странная улыбка, словно швея задумалась над тем, что до этого никогда не приходило ей в голову.

– Вам давно пора было это сделать, дорогой мой, – сказала она. – Невозможно столько тащить в одиночку, сколько тащите вы.

Я понимающе качнул головой. Дело было не совсем в этом. У меня всегда хватало забот, я привык к ежедневной трудной работе и спокойно занимался тем, что всегда мне нравилось. Но после эпидемии мне вдруг стало не по себе в огромном доме.

Захотелось, чтобы рядом был кто-то живой. Живой, теплый, добрый, с кем я смогу поговорить, не зная заранее, что мне ответят.

А ту работу, которую выполняла Флер, спокойно могли делать и големы – но с ними не побеседуешь.

Я, разумеется, не надеялся, что она меня полюбит – это просто невозможно. Однако…

Обо всем этом я думал, когда мы в молчании ехали домой. Флер сидела на скамье экипажа, сжимая в руках записную книжку покойной Анны, а я смотрел в окно и думал, как рассказать старшему инспектору Грею о дворянине с длинными руками и осиной талией, который увлечен греблей, фехтованием и ездой на лошади.

Впрочем, все разрешилось почти сразу же: когда мы вы-

шли из экипажа, то увидели Грея, который стоял на ступенях моего дома и был зол, как бес, которого выгнали из пекла. Увидев нас, он резко дернул рукой так, словно хотел по кому-то пройтись сжатым кулаком и воскликнул:

– Где блокнот?

От неожиданности и страха Флер схватила меня за руку и не поняла, что это моя вторая конечность. Старший инспектор пугал ее сильнее, чем я.

– Блокнот? – переспросил я.

– Он самый! – прорычал Грей. – Я вернулся в дом, зажег свет и увидел на запыленном столе чистое прямоугольное пятно! Где блокнот или что ты там украла?

Я приподнял человеческую руку, приказывая всем молчать и успокоиться. Флер послушно протянула Грею записную книжку Анны и сказала:

– Нам многое удалось узнать.

– Да я вас обоих за решетку законопачу! – пророкотал Грей. – Вы сперли важные улики с места преступления! Вам это с рук не сойдет! Вы меня с первого раза не поняли, что ли?

Я качнул головой, прикидывая, как можно успокоить старшего инспектора, чтобы он при этом не разозлился еще сильнее.

– У меня есть портрет убийцы, – сказал я, и Грей, который расписывал, что именно с нами сделают в тюрьме, поперхнулся воздухом и умолк.

– Здесь мерки, снятые с джентльмена, который сделал крупный заказ, – сказал я, а Флер добавила:

– Анна поехала отвозить ему рубашки и домой уже не вернулась.

Я рассказал старшему инспектору обо всем, что узнал в ателье у линны Строук, и лицо Грея несколько просветлело и разгладилось. Мы оказались очень, очень полезны: он только получил дело и сразу же нашел улики, и портрет преступника у него есть.

– Маловато от этого толку, – пробормотал он. – И так ясно, что убийца не из простых. У простых нет экипажей, чтобы вот так мертвых девиц по городу раскладывать. Труп в руках не понесешь, нужен транспорт. А фехтование и гребля это, простите, их общее увлечение, оно для благородных.

– Рост, – заметил я. – Рост, руки длиннее, чем у других.

Старший инспектор кивнул. Убрал записную книжку во внутренний карман мундира и произнес:

– Вы вот что. Вы сегодня мне очень помогли, не буду спорить. Я не из тех, кто двумя руками берет и потом спасибо не скажет. Но сделайте милость, услышьте меня все-таки: больше не надо в это лезть. Больше не надо путаться у меня под ногами. Я ничего не говорю по поводу зелий, которые использует этот мерзавец, я еще не раз к вам приду на их счет, но со всем остальным…

Его лицо и голова покраснели, и Грей проговорил, выделяя каждое слово:

– Не лезьте. Сидите, пожалуйста, дома и занимайтесь своими делами. Доктор, у вас работы, что ли, мало? У этой, я понимаю, шило в одном месте, ну а вы-то куда за ней?

– У меня много работы, это верно, – согласился я. – Не сердитесь на нас, старший инспектор. Возможно, есть что-то, чем я могу смягчить вас?

Грей сощурился, оценивающе глядя на меня, и пальцы Флер сильнее сжали мою руку.

– Взятку предлагаете?

– Ни в коем случае. Просто как любой порядочный гражданин, рад помочь полиции.

Грей задумчиво помолчал несколько минут, крутя в пальцах круглый брелок и маленький ключ – я сам не заметил, как он их вынул из кармана.

– Говорите, долговязый? Все дворяне высокие, хорошо питаются и мало болеют. Адреса там нет, к сожалению, так что здесь мы в тупике, – он вздохнул и спросил: – У вас есть что-нибудь от головной боли, доктор Броуди? Аптечные средства мне как слону дробина.

Я улыбнулся: кажется, дело сдвинулось в сторону принятия, а не отторжения. Лишь бы только Флоранс не сунулась завтра в дом одной из жертв.

– Разумеется, старший инспектор. Идемте – соберу вам индивидуальное зелье.

Глава 5

До самого вечера я стучала по клавишам печатной машинки, набирая статьи доктора Броуди, и не знала, чем закончился подбор индивидуального зелья для Грея.

Хотелось бы, конечно, чтоб он от этого зелья застрял в доме раздумий на несколько дней, но доктор Броуди для такого слишком добр.

Он вообще был добр. Статьи, которые я перепечатывала, были посвящены лекарствам от детских болезней, которые вызваны порчевыми заклинаниями. И в каждом слове, в каждой фразе сияло искреннее тепло и любовь к миру и людям.

Чем дольше я печатала, тем сильнее мне хотелось найти ту ведьму, которая прокляла Божье чудовище, и устроить ей темную. Так, как устраивали в приюте: одеяло на голову и мутузить со всех сил.

Нас, конечно, учили печатать, но машинок в приюте было всего две, так что я не смогла научиться отстукивать по клавишам всеми десятью пальцами. К вечеру они гудели и ныли, а руки наполнила тяжесть до самых локтей, но я не сделала ни одной опечатки, так что вполне могла собой гордиться. Когда я складывала листки в аккуратные стопки, ожило зеркало на стене кабинета – гладь его качнулась, пошла рябью, и я невольно поежилась.

– Как там перепечатывание, Флоранс? – поинтересовался доктор Броуди. Я подошла к зеркалу и ответила:

– Все закончила, доктор Броуди. Завтра схожу на почту.

– Отлично. Алекс и другие големы на перезагрузке, сварите мне кофе с молоком, пожалуйста. Я в лаборатории.

– Да, доктор Броуди, – кивнула я и быстрым шагом вышла из кабинета.

Других големов я пока не видела, и как они становятся на перезагрузку, тоже не знала. Дом сейчас казался пустым и тихим, словно все его обитатели куда-то ушли. Вечер выдался пасмурным и тоскливым – я спешила по коридору огромного дома и казалось, будто кто-то наблюдает за мной.

Не доктор Броуди, нет. Кто-то из прошлого.

Но ведь не мог же тот, кто когда-то надругался надо мной, сейчас невидимо присутствовать в доме Божьего чудовища?

Добравшись до пустой кухни и решив, что это просто нервы разыгрались после целого дня приключений, я принялась варить кофе. Бутылка молока нашлась в морозильном ларе – там же лежали пирожные в картонной коробочке и, подумав, я поставила их на поднос.

Доктор Броуди застыл возле окна – громадная глыба, укутанная в черное. Иногда по ней прокатывали волны, словно Божье чудовище вздыхал, и я вдруг поняла, что начинаю привыкать к нему. Он уже не пугает меня так, как раньше. Может, все дело в том, что доктор Броуди был добр ко мне? Едва не задушил сволочугу Грея, когда он распустил руки…

а за меня не заступались прежде, и это было неожиданно и удивительно.

– Кофе, доктор Броуди, – сказала я, и он обернулся ко мне.

– О, прекрасно! Добрый вечер, Флоранс. Где же ваша чашка?

– Боюсь, не усну потом, – призналась я. Доктор Броуди бесшумно скользнул от окна к рабочему столу, на который я поставила поднос, и казалось, будто под мантией движется что-то, похожее на сколопендру.

Кажется, я погорячилась, когда решила, что привыкаю к нему.

Я аккуратно налила кофе – доктор Броуди взял чашку человеческой рукой и отправил под мантию. Интересно, как он выглядит? Хотя нет, неинтересно.

Вскоре чашка вернулась пустой. Доктор Броуди медленно двинулся в сторону, и почему-то подумалось, что он отходит подальше, чтобы не пугать меня лишний раз.

– Грей просто так от нас не отвяжется, – сказала я. – Да, вы можете не собирать ингредиенты сами. Но убийца найдет, кого отправить к плакучей иве этого Габриса. И просто закажет вам зелье и принесет все ингредиенты.

– Не думаю, что у него много помощников, – заметил доктор Броуди. – Один или два. Твой хозяин серийный убийца – такое шило в мешке не утаить. Обязательно будет мало денег за молчание и помощь, или что-то еще пойдет не так.

Я только плечами пожала. Может, и правда, пусть со всем

разбирается старший инспектор Грей? Ему за это жалованье платят.

С другой стороны, сколько людей уже решило, что не стоит вмешиваться? Пусть полиция делает свою работу, а мы лучше станем сплетничать и обвинять жертву преступления. Не так стояла, не туда смотрела, грешные мысли в голову впускала…

Нет уж. Я никогда не стану, как те, кто меня обвинял.

– Задумались, лин Флоранс?

Доктор Броуди прошел к столу и принялся расставлять пустые пузырьки ровным строем. Он работал человеческой рукой, и я мысленно поблагодарила его за это.

– Да, немного. Как вы думаете, старший инспектор Грей сможет найти убийцу?

Бугры под мантией качнулись так, словно доктор Броуди пожал плечами.

– Он создает впечатление цепкого человека. Такие не отступают, если что-то глубоко их задело. А вы задели.

Я даже рассмеялась.

– Задели его газетчики, которые полощут полицию, а не я.

– Пусть так, – Божье чудовище нырнул под стол, вынул какую-то причудливую склянку и я спросила: – А ведьму, которая вас прокляла, наказали?

– Разумеется. Ее осудили, дали десять лет, кажется. Я не стал узнавать, что с ней было потом.

– Выходит, вы знаете, что такое отмщение. А я не знаю. И

девушки, которых убили, тоже могут не узнать.

Доктор Броуди мягко усмехнулся. Мне снова представилось его человеческое лицо: у него была очень теплая и сердечная улыбка. Она похожа на прикосновение, исцеляющее и ласковое. Стоит такой человек рядом с тобой, и тебе уже не больно и не страшно. Ты даже не сомневаешься в том, что выстоишь и пойдешь дальше.

– Я так понял, старшему инспектору покоя не будет. Вы от него не отцепитесь, Флер.

Мне очень нравилось, когда доктор Броуди называл меня коротким именем. Не было в нем той звонкой жесткости, которым его наделяли в приюте.

Флер… Как будто вздох.

– Дайте мне побольше работы, доктор Броуди. Тогда, честное слово, у меня не будет времени доставать линде Грея! – с лихостью уличного мальчишки заявила я. Божье чудовище негромко рассмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.